

женских) священных мест, культа животных и зооморфных духов, почитания различных духов-покровителей, в том числе знаменитой Золотой бабы, роли металла в культах, культа предков, обскоугорском шаманизме. Из разделов, посвященных религии хантов и манси, одним из наиболее интересных является очерк о медвежьем культе и медвежьим празднике – самом ярком комплексе их празднично-ритуальных церемоний.

В “Заключении” автор, обобщая весь рассмотренный в монографии материал, вновь останавливается на проблеме этно- и культурогенеза угорских народов. Она выделяет в их культуре ряд комплексов, одни из которых связаны с универсальными, общечеловеческими элементами, другие – с чертами, общими для всех народов Сибири, третьи едины для народов уральской языковой семьи. Наконец, в традиционной культуре обских угров имеются элементы, которых нет ни у одного из народов Севера – это особенности южного (угорского) компонента, проявляющиеся во множестве черт их материальной и духовной культуры.

Органической частью монографии являются многочисленные иллюстрации, прежде всего фотографии, сделанные автором во время своих экспедиций практически во всех районах расселения хантов и манси (см. также: *Соколова* 2007), а также рисунки, в том числе цветные, выполненные художниками, работавшими в этих экспедициях.

По сравнению с широтой изучения традиционного социально-культурного облика хантов и манси материалы по их современному развитию представлены в книге более фрагментарно, однако их всестороннее изучение и не было основной целью автора. Вместе с тем З.П. Соколова не раз обращает внимание на сложные проблемы современной жизни изучаемых народов, что отчасти уже отмечалось (например, на их фактическую деэтнизацию).

К недостаткам книги нужно отнести отсутствие карт, что усложняет ее восприятие, поскольку в тексте то и дело встречается множество географических названий.

Монографию, в которой так широко и всесторонне исследуется историко-культурный облик обских угров, можно рассматривать в качестве своего рода научного справочника, обращение к которому является первейшей необходимостью всех занимающихся изучением истории и культуры хантов и манси. Можно быть уверенным, что надежды Зои Петровны на то, чтобы ее книга “помогла другим угроведам в постановке и решении проблем формирования и развития культуры обских угров” (с. 665), будут вполне оправданы.

Литература

- Народы 2005 – Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. 805 с.
- Соколова 1990 – *Соколова З.П.* Эндогамный ареал и этническая группа. М.: ИЭА РАН, 1990. 209 с.
- Соколова 2007 – *Соколова З.П.* Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М.: Наука. 2007. 342 с.
- Соколова 2010 – *Соколова З.П.* И вновь о методологии и методике полевых исследований? // ЭО. 2010. № 5. С. 170–178.

ЭО, 2011 г., № 5

© **И.Ю. Заринов**. Рец. на: *М.В. Лескинен. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: “другой” сквозь призму идентичности*. М.: Индрик, 2010. 367 с.

Рецензируемая монография – это научный труд, посвященный проблеме формирования национального сознания у поляков и финнов в контексте сложения и бытования их этнических геторостереотипов и автостереотипов. Эмпирическим материалом книги стали российские научные исследования поляков и финнов во второй половине XIX в., так или иначе затрагивающие заявленную автором тематику исследования.

Важной стороной данной монографии является констатация ее автором существования двух во многом несовпадающих точек зрения на процесс формирования любых социальных

Игорь Юрьевич Заринов – к. и. н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: izarinov@yandex.ru

идентичностей: научной, претендующей на объективность, и обыденной, существующей в среде самого социокультурного субъекта. По мнению автора, «именно это несовпадение вызывает полемику о природе и сущности этничности, которая представляется центральным звеном в цепи рассуждений о методах изучения и интерпретации форм, в которых происходит осмысление так наз. “мы-идентичностей”» (с. 9). Однако, как следует из всего эмпирического материала рецензируемой работы, в действительности и объективистская, и субъективистская парадигмы являются лишь формами отражения сущности любого социального феномена.

В этой связи совершенно справедливым можно признать тезис о важной роли в постижении этого феномена социальной элиты (ее реальный облик – проблема весьма дискуссионная), – которая в эпоху модернизации “...не только формирует и обосновывает базовые представления и ценности сообществ, но и внедряет их при помощи инструментов просвещения и социализации” (с. 10). Здесь позволю себе не согласиться с автором рецензируемой работы: просвещение – да, но социализация – это все же зона действия всех слоев социума (от семьи до государства в целом). Зато трудно не согласиться с автором в том, что наука в период модернизации становится “дисциплинарной властью”, влияющей на многие стороны социально-культурного развития общества¹. Особенно это справедливо по отношению к нынешним научным подходам в данном направлении, когда «...исследование процессов складывания этнической/национальной идентичности не может ограничиваться рамками истории политических и идеологических “проектов”. Сегодня оно в той или иной степени обращено к реконструкции картины мира (ментальной, языковой, когнитивной) традиционного общества» (с. 10). Именно такая реконструкция положена в основу исследования рецензируемой монографии, т.е. исследования “другого” сквозь призму этнонациональной идентичности поляков и финнов по материалам российской исторической науки второй половины XIX в².

Неслучаен и выбор этих народов, поскольку “...сходство Великого княжества Финляндского и Царства Польского в составе Российской империи было определено общностью их статуса, заданного принципами самостоятельности, представленной при вхождении в состав империи” (с. 19). Но самое главное, полагает М.В. Лескинен, «...сравнение описаний поляков и финнов можно считать обоснованным, прежде всего, потому, что и в политическом, и в культурном отношении – в качестве “социально-культурных” единиц – они воспринимались как сопоставимые друг с другом представители западноевропейского культурного пространства (в разной степени и разных формах), а точнее, находящиеся на равноудаленном расстоянии от нациообразующего ядра на ментальной карте Российской империи» (с. 24).

Непосредственная историко-культурная сравнительная характеристика поляков и финнов в российской науке второй половины XIX в. предваряется в рецензируемой работе теоретической частью под названием “От народности к этничности: язык научного описания”. Важным этапом в усовершенствовании подобных описаний, по мнению автора, стали труды французских энциклопедистов, немецких и английских философов, заложивших “...основу новых представлений об истоках этнического разнообразия, о принципах описания, методах исследования племен и народов” (с. 38). Этот тезис требует некоторого уточнения. Наука XVIII в. еще не могла оперировать такими понятиями, как “народ”, в этнографическом смысле этого слова. Вероятно, имелись в виду культурные сообщества, основанные на цивилизованных и нецивилованных принципах существования. Не была в этом отношении исключением и российская наука, которая обратилась к выработке таких понятий, как “народ”, “народность”, “тип”, “типичность”, только в период 1820–1840-х гг. «...в связи с дискуссиями и размышлениями о национальной самобытности – “русскости”» (с. 47). Следует к этому добавить, что “русскость” понималась в то время скорее в конфессиональном (православном), чем в этнокультурном смысле, поскольку в официальной государственно-правовой практике существовало еще деление русских на великороссов, белорусов и малороссов.

Важным моментом в формировании понятийного аппарата этнографии будущего является появление и смысловое употребление термина “народность”. Он чаще всего интерпретировался в литературе XIX в. «...как отражение “народного духа” в его внутренних свойствах и во внешних проявлениях» (с. 48)³. Несмотря на то, что, по словам А.И. Миллера, понятие “народность” является наиболее “мутной частью” в уваровской триаде, его использование, тем не менее, приобрело в российской науке значительный размах. Не соглашусь, правда, с утверждением М.В. Лескинен, что концепция министра просвещения России рождалась под влиянием Шлегеля и Шлёцера (с. 52). Дело в том, что культурные и политические реалии в Германии и России были в то время несопоставимы, да и термин “этнос”, якобы употреблявшийся в лекци-

ях Шлёцера в Гёттингенском университете, которые слушал в 1801–1803 гг. Уваров, появился несколько позже.

Весьма уместными в рецензируемой книге выглядят эпиграфы перед каждой ее главой, представляющие собой суждения по теме, изложенной ниже. Так, в главе под названием “Обнаружить народность: дух и тело” приведены слова Д.И. Менделеева: “Очень велика должна быть путаница мысли, когда с научными приемами хотят найти реализацию высшего единства, одним реальным выразить множество реальностей или отвлечений” (с. 64). Это мнение великого русского ученого актуально и для нынешних споров по поводу природы феномена “этнического”, который, как следует из текста монографии М.В. Лескинен, уже так или иначе обретал черты в российских научных текстах XIX столетия, особенно в поисках дефиниции народности. Анализируя их, автор приходит к следующему выводу: «Можно, таким образом, говорить о том, что содержание термина “народность” в 1870–80-е гг. используется... при определении различно понимаемой “этничности”» (с. 90). Об этом свидетельствует существование различных подходов в определении народности, зависящих от жанра публикации: в литературе и публицистике это – “хождение в народ”, в истории, философии и этнографии – этнокультурная исключительность (с. 90). Именно это разнообразие подходов к пониманию этничности есть основное содержание следующих двух глав первой части монографии М.В. Лескинен. Первая часть играет важную роль для понимания второй части: непосредственного сравнительного анализа текстов российских общественных наук, посвященных описанию этнического стереотипа (гетеростереотипа) поляков и финнов.

Поляки и финны в анализируемых автором текстах предстают в различных номинативных вариантах, чаще всего зависящих от географии расселения и исторических свидетельств. Однако, несмотря на это, “...тезис о поляках как о доминирующем этносе Царства Польского (Привислинского края), а финнах как об основном народе Финляндии (Великого княжества Финляндского) не подвергался сомнению” (с. 171–172). Именно в этой общепринятой номинации автором исследуются такие темы, как иерархия этнических признаков в научном описании, гендерные особенности антропологического типа, природа и история, свой/чужой и, наконец, идея этнического родства: поляки – русские – финны⁴.

В рамках этих тем в рецензируемой книге рассматриваются отдельно описания в трудах российских авторов второй половины XIX в. польского и финского нравов⁵. Сама эта описательная практика оценивается М.В. Лескинен как процесс конструирования так называемых этнических (национальных) характеров. С этим трудно не согласиться, однако я остерегаюсь интерпретировать особенности коллективных психологических черт (они часто являются творчеством, зависящим от исторически обусловленных обстоятельств или от случайной ситуативной практики) как характер⁶. То и другое предполагает некую константу, которую трудно установить даже на личностном уровне. Автор книги сама же постулирует, что “...спектр определений **польского характера** (выделено мною. – *И.З.*) был разнообразен. Можно лишь отметить активизацию той или иной тенденции, вызванную политическими событиями или идеологическими спорами” (с. 210). Это подтверждается и основным корпусом текстов, в которых польский психотип часто выступает в дихотомии “шляхтич – крестьянин”, что еще больше указывает на субъективный характер в создании психологического портрета всего польского народа⁷.

Описание финского нрава в российской науке второй половины XIX в. происходило по сходному сценарию: корреляция черт этого характера с географией расселения (природные свойства), региональные варианты (отдельные “отрасли”), “умственные качества”, нравственность, обобщенный тип и сравнение с великорусами как представителями доминирующей культуры Российской империи. Любопытен тот факт, что во многих описаниях финны делятся на два отличных друг от друга народа: тавастов и карелов. При этом прослеживалась тенденция «“приблизить” карел к великорусам, найти больше сходства между ними, нежели между тавастами и карелами Финляндии... Тавасты носят на себе следы шведского, а карелы русского влияния... Карелы, таким образом, выступали исключительно как “свои”, “русские финны”» (с. 255)⁸. Однако когда речь идет об умственных качествах, нравственности, типичности, религии, грамотности в сравнении с великорусами, то здесь финны выступают единым народом. Таким образом, наряду с попытками научно (т.е. максимально объективно) посмотреть на перечисленные проблемы, существовали и такие работы, в которых ясно просматривался политический заказ. В них финны обвинялись “...в националистических устремлениях и разжигании финско-русской розни 1889 г.” (с. 267), что в немалой степени было проявлением имперской доктрины в отношении этнокультурных меньшинств России. В этой связи автор рецензируемой

книги подчеркивает, что при создании подобных характеристик финнов использовались те же приемы, которые имели место в отношении поляков, – «...“борьбы с врагом его же оружием”, когда негативные оценки или факты, их подтверждающие, брались из критических работ самих финнов или их самоописаний» (с. 267). Это еще раз указывает на взаимозависимость и взаимовлияние этнической гетеростереотипизации (процесс складывания стереотипа “чужого”) и автостереотипизации (процесс формирования стереотипа “своего”). Одним из наиболее типичных примеров, приведенных в книге, является сложившееся в российской литературе (научной и не только) представление о “веселом поляке” и “честном финне” в противопоставлении с русским, не всегда веселым и не очень честным.

Таким образом, создание русской наукой второй половины XIX столетия психотипического портрета поляков и финнов проходило в постоянном контексте саморефлексии, т.е. описания этнотипического “своего”. Однако, как это явствует из анализируемой М.В. Лескинен российской научной литературы, ее авторов поджидало множество трудностей, главная из которых – этническая гетерогенность самой русской культуры. «Не была выработана окончательная версия о том, какой региональный тип “назначить” истинным выразителем этничности. Ни один из них, видимо, не обладал четко зафиксированными признаками и свойствами, которые требовалось знать для характеристики этноса в целом: пространственная локализация, климатические условия, особенности говора, черты нрава, “материальная” и “духовная” жизнь» (с. 308). Религиозная же принадлежность (конфессиональность), ранее считавшаяся одним из критериев этничности (читай: народности), превращается в определяющий фактор политической (национальной) идентичности (с. 311). Так, используя этнографические исследования, выстраивалась официальная национальная политика в мультикультурном российском обществе. Со временем эта политика требовала “перепрограммирования” образа врага, что М.В. Лескинен показывает на примере поляков. Откровенная полонофобия, сформировавшаяся в российской литературе различных жанров⁹ на протяжении длительного времени, постепенно замещается «...довольно прозрачным намерением деструктурировать описание поляка как “врага” (если исходить из верности тезиса о том, что в русской общественной мысли и литературе во второй половине XIX в. наметилась отчетливая тенденция к доминированию именно такого представления)» (с. 315–316).

Итак, подводя итоги, автор монографии резюмирует: «Однако и к концу века стремление реализовать таксономический проект применительно к этническим сообществам, схематизированный в “таблице” (в частности, народов Империи), которая могла бы выстраивать иерархии, определять закономерности их развития и упорядочивать отношения между ними, создана не была» (стр. 327). И все же, добавим от себя, в российской этнографической науке рассматриваемого в книге периода был заложен крепкий фундамент для дальнейшего развития, что и произошло в будущем, даже несмотря на идеологическое давление в советский период. Этот тезис подтверждается нынешним высоким авторитетом отечественной этнографии/этнологии в мире.

Примечания

¹ Правда, не следует и преувеличивать влияние социальных наук на общественное бытие.

² Автор, однако, не ограничивается исключительно научной литературой. В книге также широко использованы научно-популярные, художественные, мемориальные и другие тексты.

³ В нескольких моих статьях, посвященных нынешнему теоретико-методологическому состоянию этнографии/этнологии, я предлагал именно так понимать термин “народность” – в противовес традиционному его истолкованию в качестве этнической общности донационального периода. В сущности, народность – это то, что в нынешнем понятийно-терминологическом аппарате этнологии понимается как “этничность”. Кстати, и автор рецензируемой книги замечает, что все имеющиеся в российской литературе истолкования понятия “народность” так или иначе сводились «...к современному значению термина “этничность” (в его общем значении) – как этнической и культурной отличительности» (с. 51).

⁴ Автор, правда, не объясняет такую последовательность, а она представляется вполне обоснованной, ибо если русские являются этнически родственными народом как для одних, так и для других, то непосредственное этнокультурное родство между поляками и финнами найти весьма проблематично.

⁵ В современной этнографии/этнологии используется термин “этнос”. Автор рецензируемой монографии также употребляет этот термин, но нигде не оговаривает, что он тождественен нраву.

⁶ Впрочем, как и нрав.

⁷ Психологический портрет любой социальной общности, скорее всего, является неразрешимой для науки проблемой, поскольку, по всей видимости, невозможно выработать точные (объективные) критерии для изображения этого портрета, хотя социальная, в том числе и этническая, психология усиленно работает в этом направлении.

⁸ В этом постулате существует доля истины: широко известно из антропологических и этнографических исследований XX в. присутствие в карельской культуре восточнославянских физических и культурных черт.

⁹ В книге, к сожалению, отсутствует упоминание резко отрицательного образа поляка в русской художественной литературе XIX столетия, в частности в некоторых произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского.

ЭО, 2011 г., № 5

Е.А. Цыпанов. Рец. на: *С. Лаллукка. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы.* СПб: Изд-во “Европейский Дом”, 2010. 336 с.

В конце 2010 г. в издательстве “Европейский Дом” вышла в свет монография финского исследователя финно-угорских народов, доктора философии Сеппо Лаллукки “Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы”, представляющая собой перевод его книги 1995 г. под названием “Коми-пермяки – народ окраинной земли. Периферизация, ассимиляция и посткоммунистический перелом” (в оригинале *Komipermjäkit – perämaan kansa. Syrjäytyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros*). Однако издание книги на русском языке оказалось не просто переводом, но практически новым исследованием, поскольку со времени выхода в свет монографии прошло 15 лет, в течение которых прошла Всероссийская перепись населения 2002 г., а также произошли серьезные изменения в административном устройстве России и исследуемого региона, а именно – бывший Коми-пермяцкий автономный округ вошел в состав Пермской области, утратив статус субъекта Федерации и став составной частью Пермского края.

Рассматриваемая монография состоит из предисловия, введения, пяти разновеликих глав, заключения, списка использованной литературы и указателя имен, упоминаемых в тексте работы.

Глава “Периферийная мобилизация этничности” имеет обобщающе-теоретический характер. В ней рассмотрены вопросы определения в советской политической литературе понятий родины и этнотерритории и очерчены особенности советского федерализма, который сохраняется и в российском федерализме, т.е. иерархии национально-государственных образований. Автор прослеживает основные характеристики периферии, к которым относит 1) зависимость от центра в жизненно важных отношениях, 2) экономическую отсталость, односторонность развития экономики и ее сырьедобывающую направленность, 3) культурную маргинальность, ее несамостоятельность и слабость. К этому добавляется также географическая удаленность и особый периферийный или провинциальный идентитет.

Следующая глава “Узловые моменты формирования коллективной памяти народа” посвящена истории коми-пермяков и соответствующего региона. В этнографической литературе это первый опыт подробного изложения истории коми-пермяков с древнейших времен, от легенд о чуде до наших дней. Автор проработал всю опубликованную историко-этнографическую и лингвистическую литературу и построил свое изложение в нескольких частях. В первом ее подразделе “Исторический путь от Перми Великой до Коми-Пермяцкого края” описаны исторические события и процессы, предшествовавшие созданию округа: чудской и новгородский периоды,